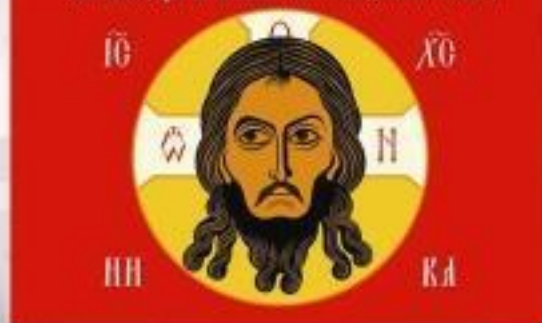

Библиотечка журнала "Голос Викики"

34 БЕРУ, ЦАГА И ОБАДУЮ ТРОИЦИНУ ГЗОД !

РУССКИЙ ЖРЕБИЙ

/новороссийская повесть/

Елена Семёнова

Елена Семёнова
Русский Жребий

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Семёнова Е. В.

Русский Жребий / Е. В. Семёнова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Русский жребий свёл в Новороссии самых разных людей: одесского юриста, чьи друзья погибли в Доме Профсоюзов и московского историка - потомка белого генерала, простых донбасских парней и прошедших Чечню офицеров, эмигрантку-кинематографистку и столичного военкора. Этим людей объединило одно: чувство Правды и Родины. Их судьбы, оборона ставшего русской крепостью Города, трагедия братоубийственной войны, её причины и суть - об этом рассказывает данная повесть.

Содержание

Пролог	6
Глава 1.	8
Глава 2.	15
Глава 3.	20
Глава 4.	23
Глава 5.	29
Глава 6.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Защитникам Новороссии посвящается...

*Мой черный грач, простимся, брат.
Я – ополченец, я – солдат.
И может жизнь в момент любой
Позвать меня на смертный бой.
И мать опять не спит моя,
Ночами господа моля
О том, чтоб сын ее родной
Живым с войны пришел домой.
Скажи мне, грач, какой же толк
В словах про память и про долг,
Когда не сможем мы сберечь
Ни нашу честь, ни нашу речь.
И плачет женщина моя, ночами господа моля,
Чтоб, хоть изранен, но живой с войны вернулся я домой.
Мой грач, о, как бы я хотел,
Устав от скорбных ратных дел,
Прижать к груди жену и мать
И просто жить – не воевать.
Но плачет родина моя
Меня о помощи моля
И я иду опять, мой грач,
На этот зов, на этот плач».*

Юрий Юрченко

Пролог

Эту запись он пересматривал уже не в первый раз, снова и снова разворачивая незаживающую рану, задавая вопросы, ответы на которые давно знал, но облегчения это знание не приносило.

На этой записи Город ещё был жив. Уже растревоженный первыми выстрелами, он ещё без страха смотрел в завтрашний день, ещё верил в то, что всё закончится хорошо, ещё бодрился, показывая решимость стоять до конца и в душе надеясь, что стоять-то придётся недолго, потому что вот-вот придёт помощь, как было это только что в Крыму. Крым – мечта, надежда, великий соблазн Юго-Запада России, отторгнутого от неё великим предательством безо всякой войны...

Совсем недавно Город сделал свой выбор, следуя примеру крымчан. Такой же сделали другие города и веси... Позже умные головы обратят внимание, что и вопрос-то на референдуме поставлен был как-то лукаво, неточно, оставляя возможность для трактовок, и наблюдателей-то не было даже от России, а значит юридическая легитимность народного волеизъявления остаётся под большим вопросом. Но кто об этом думал тогда? И кто разбирал эти нюансы?

А вскоре после этого Город отмечал Победу. Ту, без малого 70-летней давности, и грядущую, в которой многие ли из запрудивших площадь нарядных и радостных людей в тот день сомневались? В этот день в Городе даже прошёл парад – снятый с пьедестала танк «Иосиф Сталин», несколько бронемашин, «отжатых» у неосмотрительно заскочивших в Город «укров». Как радостно приветствовали эту «колонну техники сепаратистов»! Вон, поймал брошенный букет широко улыбающийся парнишка, сидящий на танке. Андрюха... Вот, он машет рукой – словно бы тем, кто видит его на экране, а на самом деле – своей невесте Катьке. Где-то есть и она в толпе, но на записи её не видно. Жениться на Катьке Андрюха так и не успеет. Через месяц после импровизированного парада снайперская пуля оборвёт его казавшуюся ему вечной жизнь...

Люди машут руками своим героям, развиваются флаги Республики и России. Родители дают маленькие флажки детям, и те весело машут ими и радостно цепляют на одежду георгиевские ленточки – самый желанный «сувенир» в эти дни. Большинство этих детей теперь в Городе нет. Многих будут вывозить из него уже под огнём, с риском для жизни. Некоторые останутся в нём навсегда, как та девочка с пышным бантом, цепляющаяся за руку матери – она погибнет в собственном дворе под очередным обстрелом, а мать, бежавшая к ней и застигнутая взрывом в дверях подъезда, останется калекой...

Но на этой записи никто ещё не знает, что будет именно так, никто не верит в возможность подобного. И, кажется, даже собаки, которых граждане, конечно, взяли с собой, разделяют их радость, не зная, что скоро станут искать пропитание за пределами Города, сбившись в стаи, потому что хозяева не смогут взять их с собой, уходя в неизвестность...

Город будет жить надеждой ещё долго. Ведь все слышали Крымскую Речь! Россия не допустит!.. Если Россия увидит!.. Россия оставляет за собой право!.. Россия защитит!.. Боже, для чего были все эти обеты, если не собирались защищать?.. Конечно, всё всегда знающие «мудрецы» найдут обоснование. Хитрый план, например... На худой конец, разведут руками и скажут, что весной наш лидер был одним человеком, а спустя несколько месяцев стал другим. Много мелкой лжи будет сказано в обоснование первой Большой Лжи, а знающие Правду за редким исключением предпочтут оставить это знание при себе. Ибо правда всегда куда менее затайлива, чем ложь, но куда более неприглядна и опасна для говорящих её.

В 19-м веке на пике могущества Империи её самый могущественный и рыцарственный Царь вынужден был изменить своё решение о лишении доходов с имений бежавшего в Англию

для ведения подрывной работы против Империи Герцена оттого лишь, что этого потребовал... Ротшильд. А что теперь? Когда «Ротшильды» держат в своих липких лапах правящие анти-элиты всего мира, включая нашу? Держат тем, что все их капиталы, добытые, само собой, исключительно непосильным трудом на благо своих народов, находятся в банках этих самых «Ротшильдов»... Глядя, как извиваются европейские лидеры, повинувшись вышестоящей указке, требующей новых санкций против России, как они, зная, что санкции эти бумерангом ударят по экономикам их стран, по ним самим, противясь им остатками здравого смысла, всё же покорно голосуют «за», и самый не верящий конспирологии человек убедится в наличии Мирового Правительства, чьи цели противоположны интересам всех без исключения народов.

Чего же ждать от антиэлиты российской? Да и не ждали бы, если бы не Крым! А ещё ведь раньше и осетин защитили от Грузии... Так неужто же своих, русских, и не защитят? Забыли, забыли мечтатели, что русских у нас не защищают уже без малого век (да и прежде-то не так чтобы...). Не учли, что крохотная периферийная Грузия, не имеющая никаких ресурсов, не могла стать причиной для всемирного гевалта, а определённый ритуальный «наезд» с избытком компенсировался взрывом народной любви, столь нужного на фоне проведения в жизнь вредительских законов и грядущих выборов. Не учли, что Крым – это иное территориальное положение, наша морская база, престиж и, наконец, большой «навар» в перспективе. А, впрочем, может, и Крым бы не взяли, когда бы ни скоротечность событий, не давшая просчитать потенциальные «убытки» и «доходы». А как просчитали бы, как снеслись бы с «Ротшильдами» (и те-то в этой горячке промедлили на все рычаги разом надавить), так и устранились?

А после в эйфории этой и сказалась та самая пресловутая Крымская Речь, послужившая детонатором для оккупированного русского Юго-Запада. А когда спохватились, что наговорили лишнего, уже и поздно было, запольхало зарево, уверовали желавшие верить Долгожданному Слову и никаких намёков, идущих вразрез ему, уже не слышали, не видели. И сомневающимся клеймили, не допуская сомнений. И в заверти этой лишь немногие головы трезвы остались. Как тот Батюшка из бывших десантников, что наперекор политике своего церковного начальства благословлял ополченцев сражаться за Родину, а о Крымском Триумфаторе высказался, уравнив его, словно пророча, со свергнутым Киевским Вором: «Висеть бы им на одной верёвке, только на разных её концах...» Что ж, законная участь всех предателей, тем более, тех, чья измена оплачивается такой великой кровью...

То, что его предали, Город поймёт после двух месяцев бомбёжек, и тогда, умирающий, полуразрушенный, истекающий кровью, начнёт проклинать вслед за Киевским Потрошителем и его бандами столь прославляемого недавно Крымского Триумфатора, пообещавшего, обнадежившего и бросившего на растерзание вандалам...

На этих кадрах этого ещё ничто не предвещает... Лица, лица, лица... Многие из них до боли знакомы – всё это соседи, друзья, знакомые... Кого-то из них уже нет в живых, кто-то пропал, другие бежали на «большую землю», третьи остались на родных руинах, а четвертые продолжают битву. И среди них он – Олег Тарусевич. Эту любительскую запись своего погибшего друга Борьки Головатого он теперь всегда возит с собой, потому что в ней – вся его память, всё, что он любил и за что сражается...

На экране появились трое: стройная русоволосая красавица в светлом платье, скрюченная в инвалидном кресле девушка, в крохотной, слабой руке сжимающая маленький российский флаг, пожилая женщина в огромных очках и с длинной тростью. На этом капитан Тарусевич всегда выключал запись, не имея сил смотреть дальше, и ещё долго сидел в каком-то оцепенении, разговаривая со своей памятью, ища ненаходимые ответы на сжигавшие сердце вопросы.

Глава 1.

На чёрной от копоти стене явственно различался отпечаток чьей-то ладони. Ладонь какое-то время держалась, а затем поползла, поползла вниз, и след оборвался вместе с чьей-то задохнувшейся в ядовитом дыму жизнью...

Когда осенью на майдане начала «скакать», Роберт не обратил на это ровным счётом никакого внимания. Начинаящий юрист, только что закончивший институт, он был занят совсем другими проблемами. Да нешто всякий раз оборачиваться, когда на этом дебильном киевском танцполе очередная дискотека развернётся? Сколько их уже за последние годы было! «Геть» да «геть»! Да не быдло мы, да не козлы. Насчёт быдла и козлов можно, конечно, дебатировать, а вот, что бездельники стопудовые – факт. Ибо только бездельник может позволить себе роскошь месяцами скакать в центре любимой столицы, питаясь халявными печенюшками. Впрочем, самые большие мастера по части скакания – это именно козлы, так что зря откристились от родства.

В феврале месяце казавшиеся ритуальными «скачки» вдруг обернулись кровью и беспределом. Будучи человеком дотошным и натасканным на поиск фактов, Роберт внимательно разбирал, что же всё-таки происходило в сатанеющей столице. А происходило нечто похабное и жуткое.

Сперва сукин сын Янок не изволил дать оружия парням из «Беркута». У Роберта в «Беркуте» приятель хороший был, Пашка, приезжал потом, уже уволясь, рассказывал, трясясь от негодования, как кинули их с дубинками – считай безоружных – против молодчиков с «коктейлями Молотова», битами и прочим добром, как те заживо жгли их, а им и ответить было нечем. Даже водомётов не дали – как же! Це ж дети, помэрзнут на февральской холодрыге!

Оружие лишь в последний день применять дозволили – да поздно! Уже и те оружием бряцали! И, презрев договорённости с властью, пошли толпой бить небольшой митинг «регионалов» (старичков и старух так отходили битами, что добро б всем выжить), а затем – палить офис правящей партии. Нет, само собой, большей части этой партии, начиная с Янока, место на нарах – в этом правовед Роберт был убеждён. Но прийти, забить до смерти вышедшего из офиса клерка, а затем спалить здание с ещё двумя сотрудниками, находящимися внутри... Даже и не верилось. Но Пашка настаивал, что было именно так.

С этого-то и покатило колесо по человеческому насту, позвонками похрустывая... Стычка, другая... И, вот, снайперы заработали – чьи, откуда? Леший знает! Пашка божился, что не их. Да и как могли быть их, коли и по ним же стреляли, как и по той стороне? Из одной точки по обеим сторонам, провоцируя! И ведь ни одна пуля не попала в какого-нибудь бешеного молодчика из «ПСов» или «Свободовцев». Так, в массовку, ни шиша не понимающую... В девчонку-медсестру, прибежавшую на помощь раненому, которой горло пробило насквозь...

Раненые... Это, вообще, отдельная страшная страница. Если раненый «беркутовец» оставался «на территории противника», был утащен туда, «взят в плен» – пиши «пропало». Врагам поборники демократических ценностей помощи не оказывают. А иные ещё и истязают беспомощную жертву. Одному пленнику выкололи глаз прямо перед камерой, и никто, ничто не дрогнуло в опьяневшей от крови и вседозволенности стае.

В конце концов, раненых затащили в Дом Профсоюзов, а затем этот дом... загорелся... Случайно или нет, вряд ли узнать когда. И сколько людей там погибло – не узнать также. Пашка знал точно, что именно в этом «крематории» нашёл свою смерть его сослуживец.

Кстати, о крематориях. Это раньше захватывали телефоны и телеграфы. Новые революционеры захватили крематорий. И тот работал сутками на фоне бушующего безудержного грабежа, насилия, беспредела.

Янока, конечно, в тот момент в Киеве уже не было. Этот похититель меховых шапок в общественных сортирах, избранный украинским народом своим президентом, благополучно бежал, пока истекающий кровью «Беркут» ещё защищал легитимность его презираемой без исключения всеми власти...

После победы Майдана Пашка не раздумывал – прихватил табельное оружие и, пока суть да дело, рванул в Крым, зная наперёд, что этот анклав не позволит прийти восторжествовавшей в Киеве мега-мрази на свою землю.

Пашка оказался прав. В Крыму и прежде-то не давали «баловать», даже флот НАТОвский на свою территорию не пустили, а уж «поезда дружбы» от товарищей Яроша, Фария, Тягнибока и прочих, звавших омыть русской кровью украинскую незалежность, и подавно.

Народ в Крыму поднялся быстро и массово. Заполнилась площадь Севастополя русскими флагами, и раздалось забытое, столько времени к забвению принуждаемое, а с той поры рефреном звучавшее, в единый глас народный слившееся: «Мы – Русские!» И, кажется, замерло всё в ожидании – чья переважит, да какой кровью станет, да в какой срок?..

А прошло всё неожиданно быстро, без сучка и задоринки. Референдум, возвращение в Россию, торжественная встреча в Кремле и ставшая знаменитой речь российского президента... Пашка звонил из Севастополя счастливый – он теперь российский гражданин!

Ветер крымской весны весь Юго-Восток овеял надеждой, разбудил, взбудоражил. Если Крым смог, то почему бы и нам не сделать то же? Не с этим же бандеровским отребьем жить! Хватит, нажились в чужой стране, пора и «до дому, до хаты» – в Россию! И хотя не сказать, чтобы прежде всем виделась современная Россия с её властителями такой уж прекрасной страной, но сейчас ничего не хотелось вспоминать, что бы марало светлый лик замаячившей совсем рядом Родины, которая, кажется, сама протянула руки, позвала: бегите, дети, а я помогу, укрою...

Роберт, не без основания ругаемый друзьями и домочадцами «сухарём», хотя и разделял общее желание, но не выходя из своей колеи. Несколько раз он был, конечно, на Куликовом поле, но... Душа его ещё не созрела для борьбы, и борьба эта казалась ему какой-то ненастоящей. В сущности, какие у неё перспективы? Одно дело, когда в Севастополе на площади весь город собрался, а в Одессе на Куликовом – сколько? Большинство горожан продолжало жить своей повседневной жизнью и тоже не было готово к борьбе. Сходить на референдум, проголосовать и вступить в состав России – пожалуй. Но бороться?

Осознавая это, Роберт смотрел на активистов Куликова, как на прекрасных чудаков, упорство и вера которых восхищают, но которые ничего не смогут добиться. Потому и не стоял с ними Роберт в одном строю, а сидел в своей конторе, исправно оформляя юридические документы...

Как же он жалел об этом сейчас! Как же жалел! Вечером второго мая он, как обычно, завершил рабочий день, краем глаза успел увидеть в новостях, что футбольные фанаты подрались с кем-то из «куликовцев», но не придал этому значения (фанаты всегда дерутся), потому что спешил на свидание с Яной. Их отношения тянулись уже несколько месяцев и, хотя давно уже стали близкими, не налагали никаких обязательств на обоих. Роберта это вполне устраивало, так как он ещё не чувствовал себя готовым к созданию семьи, не питал ни к кому серьёзных чувств, а с весёлой и беспечной Яной ему просто нравилось проводить время.

Ту проклятую ночь он провёл именно с ней. Вино, лёгкий ужин, жаркие янины ласки... Он даже телефон отключил, чтобы никто не испортил приятного вечера и ночи. А едва включил утром, как раздался звонок, и обрывающийся голос матери сообщил, что «бандеровцы» разгромили лагерь на Куликовом Поле и сожгли Дом Профсоюзов вместе с пытавшимися укрыться в нём от расправы активистами. И что тётя Сима с дядей Лёшей до сих пор не могут найти Юру и Иру...

Юра Лоскутов, музыкант и поэт, был лучшим другом Роберта со школы. Юрка, один из последних романтиков, веривших, что мир можно изменить Словом, стихами, конечно, был одним из самых горячих активистов Куликова с первых дней. Он почти безотлучно находился там, рисовал плакаты, сочинял песни, горел, как факел, освещая всё и вся вокруг себя. Его нельзя было не любить, им нельзя было не восхищаться. Он не жил, он парил над землёй, витал в одном из ему ведомых горных высот. А ещё он по-детски трогательно любил Россию, и своих родителей, и друзей, и Иру... Ира была, наверное, самой прекрасной девушкой, какую когда-либо видел Роберт. Чистый ангел двадцати двух лет с сияющими звёздами-глазами и чудной улыбкой. Они с Юркой, казалось, были рождены друг для друга. Две половинки, два лебедя высокого полёта...

Ну и забава у людей
Убить двух белых лебедей...

Эта строчка Высоцкого пребольно резанула сердце уже в первый миг, но Роберт ещё надеялся на лучшее, ещё не верил в возможность такого ужаса. Мать успела сказать, что погибло не меньше полусотни человек, а дальше он уже не слушал, а мчался к Куликову – искать, спасать, помогать...

Но спасти было уже некого... Обугленный остов Дома Профсоюзов смотрел жутко, но ещё жутче были глаза людей, чьих родных поглотила эта гигантская печь... Им ещё предстояло тяжкое испытание – опознать в изуродованных телах тех, с кем ещё вчера они прощались, не подозревая, что это – в последний раз.

Одна за другой всплывали из рассказов страшные подробности. Как футбольные «ультрас» из Днепропетровска, вотчины выроodka Бени, были спровоцированы на драку молодчиками, нацепившими георгиевские ленточки, но не снявшими красных шевронов «ПСов», как последние завели их в лагерь, как начался погром, в который, уже не скрываясь, влились фашисты. Как забивали битами тех, кто не успевал убежать, как жгли палаточный городок, как спасающиеся от избиения закрылись в Доме Профсоюзов. Как убийцы ворвались и туда, крушили топорами двери, за которыми искали спасения жертвы, а потом убивали их, экономя патроны. Как распрыскали какой-то ядовитый газ, а затем закидали Дом бутылками с зажигательной смесью, подожгли и несколько часов не давали подъехать пожарным, а несчастных, бросающихся из окон, добивали на земле...

Так, на земле, был до смерти забит семнадцатилетний студент. Его мать прибежала к горящему дому и умоляла убийц позволить её сыну выйти. В ответ нелюди посмеялись: пусть попробует – получишь калеку. Она получила лишь растерзанное тело...

Когда же пожар окончился, убийцы вошли внутрь, чтобы заснять на камеры мобильных тела своих жертв и ещё поглумиться над ними...

Казалось бы, это – предел кошмара. Но нет, зло не имеет предела. Волна ликования пронеслась от сетевых отморожков до высокопоставленных киевских узурпаторов. Они восхваляли «подвиг патриотов» и потешались над «жареными колорадами», «майским шашлыком».

И милиция арестовывала не убийц, а их уцелевших жертв, которые якобы подожгли себя сами...

Юру и Иру нашли лишь на следующий день. Они, как рассказывали, сидели на полу, обнявшись. Их тела почти не обгорели. Они просто задохнулись в пылающей газовой камере... Какие слова говорил он ей в последние мгновения? Что отвечала она? Только Господь Бог слышал их, принимая чистые лебединые души в свои чертоги.

Они упали вниз вдвоём,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья...

Однако и это не было последней каплей кошмара, в который обратилась в те дни жизнь Роберта. Просматривая со всей въедливостью юриста многочисленные видеозаписи, выложен-

ные в Сети, он наткнулся на сюжет о девушках, готовивших «коктейли Молотова» для убийц. Вот, они – весёлые, бодрые. Проворно и со знанием дела готовят мучительную смерть для людей, которых никогда не видели, которые ни им, ни кому бы то ни было не сделали ничего дурного. И вдруг среди этих смеющихся лиц промелькнуло... Роберт не поверил своим глазам, отмотал назад, ещё раз, ещё... Но видео упрямо показывало одно и то же лицо – лицо его родной младшей сестры Лили, которая все эти дни была молчалива и угнетена, что приписывалось естественному потрясению от трагедии...

Не помня себя, Роберт бросился в комнату Лили:

– Ты!.. Ты!.. – заревел с порога, захлёбываясь от ярости.

Сестра смотрела на него испуганными, затравленными глазами, вжимаясь в угол кровати.

– Я не хотела... Я не хотела... – залепетала она. – Я же не знала, что так получится...

Что Юра с Ирой...

– Заткнись! – завопил Роберт. – Не смей произносить их имён! Юра с Ирой?! А остальные семьдесят человек, которых ты убила?!

– Я не... я не... убивала... – глаза Лили наполнились слезами. – Я только...

– Нет! Это ты! И твои подружки! Вы убили семьдесят человек! Вы... вы... Твари!

Нежить!

– Не надо! Перестань! – вскрикнула сестра, заслоняя ладонями уши.

– Сука! Убийца! – закончил свою тираду Роберт. – Будь ты проклята!

При этих словах Лиля сникла всем телом, сползла с кровати и, как тень, скользнула мимо него, вжав голову в плечи, точно боясь, что он ударит её.

Он не ударил, он словно окаменел и не двинулся с места, пока её торопливые шаги и всхлипы не стихли на лестнице, а затем тяжело опустился на её кровать, стиснув руками голову.

Лилька была младше его на восемь лет. Роберт любил её, конечно, но никогда не принимал всерьёз – маленькая сестра, ребёнок и только. А надо было принимать, ещё как надо! Особенно, когда стала она водить дружбу с этим «небыдлом-некозлом» в нацистских татушках. Только сейчас запоздало понялось, что это не дружба никакая была, а втрескалась девчонка по уши в урода. Может, уже и спала с ним... Ей, конечно, только шестнадцать, но в наши дни – дело обычное. Стало быть, всё из-за этого ублюдка. Как там его? Стасик, что ли? Неважно. Окрутил малолетнюю дурёху, попросил пособить – бутылки зажигательные сделать. Понятно, не говорил, что людей жарить собираются – так, оружие самообороны. Разве ж могла дурёха любимому отказать? Разве думала, что делает, и к чему это может привести? Конечно, нет... Млеющая от каждого его слова, просто выполнила просимое.

А ведь он, Роберт, видел и Стасика этого, и как сестра на него смотрит, и не обращал внимания. Считал, что не следует мешаться в чужую личную жизнь, не будучи тем паче сам в ней образчиком. Донемешался... Юрист хренов! Судил-рядил о происходящем с приятелями за кружечкой пивка, да, вон, в Фейсбуке, а собственной сестре положение дел пояснить не судьба была. Мала ещё – зачем ей? Ни разу не поговорил с ней серьёзно, ни разу не поинтересовался всерьёз, что у неё на душе и в мозгах делается. Всё работа, да приятели, да Янка-шалава (почему-то сейчас воспоминание о Яне было особенно неприятным) – нормальный современный деловой человек без «загонов» и «крайностей»: таким видел себя Роберт, таким нравился себе. А сейчас внезапно испытал к этому «нормальному человеку» жгучую ненависть.

Не он ли должен был заботиться о сестре, защищать её, помогать ей? Не он ли должен был стоять плечом к плечу вместе с Юрой и Ирой и, если надо, погибнуть с ними? А он валялся в постели Яны, ни о чём не заботясь. «Нормальный человек», значит? Просто эгоистичная скотина...

И, вот, какое право он имел так говорить с Лилей, будучи сам виновен в том, что с ней случилось, допустив это своим равнодушием? Никакого не имел... Скорей бы уж возвращалась она. Надо будет извиниться и, наконец, поговорить по-человечески. Матери обо всём этом

знать, конечно, не надо. Незачем, чтобы ещё и она страдала. И без того намучилась двоих детей поднимать после смерти отца, которого не стало через год после рождения Лильки.

Куда, кстати, интересно, убежала она? Уж не к этому ли своему?.. Или к подружкам? Отчего-то на душе стало беспокойно, и Роберт, отступив от собственного правила «не вмешиваться в жизнь сестры», стал обзванивать всех Лилькиных подруг...

Увы, ни одна из них ничего о ней не знала. Вечером с работы вернулась мать и, глубоко встревоженная исчезновением дочери, начала второй виток звонков с прибавкой больниц и моргов.

Уже чувствуя, что случилось что-то непоправимое, Роберт отправился на поиски сестры. Сжимая в кармане нож (времена-то какие), он обходил двор за двором, улицу за улицей, побывал на вокзале и набережной, но Лильки не было нигде.

Её нашли утром. Повесившейся... В кармане у неё была короткая записка: «Я виновата. Я убийца. Я не могу с этим жить. Простите». Прочитав эти строки, Роберт почувствовал убийцей себя. Безмятежный мир «нормального человека» рухнул окончательно, рассыпался в прах. Он ненавидел себя и не находил себе места. Всё, решительно всё, отторгало его, гнало прочь.

Он не мог находиться дома, где зияла пустотой Лилькина комната, а в ней – её фотографии, плакаты с импортными артистами, мягкие игрушки... В том углу кровати, где сидела она в тот проклятый день, теперь сиротливо жался большой белый медведь, её любимец, которого Роберт выиграл для неё меткой стрельбой в тире. Когда Лильке бывало грустно, она сидела, обхватив его руками, уткнувшись носом в его голову. Роберту казалось, что и теперь она сидит так и смотрит на него затравленными глазами – как в последний раз...

Он сглатывал подкатывавший к горлу ком и спешил уйти. Он не в силах был видеть и убитую горем мать. На счастье из Херсона приехала тётя Клава, её любимая младшая сестра, и взяла на себя заботу о ней.

Роберт не ходил на работу, избегал встреч с приятелями. Эти «нормальные» и «адекватные» люди теперь страшно раздражали его. Им всё нипочём. Лишь бы работа, заработок – лишь бы их не трогали. Тронут! Непременно тронут! Всех... Когда-нибудь...

Случайно завидев на улице Янку (её плещущее через край жизнелюбие и яркий наряд виделись оскорбительными в такие дни), поспешил перейти на другую сторону. Она – спасибо ей – всё поняла правильно, не полезла с утешениями-соболезнованиями. Или, может, просто сторонилась чужого горя, боясь, что оно и её заденет, оберегая свою бесстыжую радость жизни?.. Не так ли, бывало, поступал и он сам?..

Всё гнало его прочь из родного дома, с родных улиц, из родного города... Да и город-то точно иным стал. Прежде шумливый и весёлый, он затих теперь, в испуге ожидая, что же будет дальше. Этим страхом пропитались, кажется, сами стены... Перешёпот: выживших ищут и добивают... Слухи ползут один другого страшнее. А те, что убивали, и сами не вот отваги полны. Слияли из города тайком. Стасик тот же... Страх, тишина, пустота... С темнотой уже редко кто отваживается выйти из дому, а ведь на дворе май – самая лучшая пора для прогулок, свиданий и прочей прекрасной ерунды, оставшейся в другой жизни. Пуста Потёмкинская лестница, пуста набережная, одиноко взирает на своё детище Дюк, подле которого впервые не резвятся влюблённые парочки. Город в трауре, город пытается понять, как это именно в нём, славящемся своей весёлостью и беспечностью, в 21-м веке, в мирное (казалось бы) время могла случиться новая Хатынь? И как с этим жить? И что делать?

Делать, конечно, ничего не будут... Кроме некоторых единиц, «подполья», которое ничего не изменит. Судьбе Юго-Востока не здесь решаться. Здесь обыватель слишком разнежен, расслаблен. А теперь ещё и запуган до конца своих дней.

Люди, впрочем, каждый день шли и шли к Дому Профсоюзов, несли цветы, фотографии. Выродки по ночам норовили убрать их, даже сожгли крест на могиле одного из убитых: «Спокойно спать будете в России!»... Пришёл на 9-й день после смерти Лильки и Роберт. Долго-

долго ходил, узнавая места, виденные на фотографиях и видео. Вот, в этом кабинете отморозок сломал хребет женщине. Её крики слышны были снаружи. Над ними смеялись, записывая на камеры. Одной «самкой колорада» меньше... Роберт уже знал поимённо всех погибших, знал, кем они были и какую смерть приняли. Лица, лица, лица... Он долго стоял на месте, где нашли Юру с Ирой, зажёл большую свечу, положил цветы. Он уже точно знал, что делать дальше. Если прошлая жизнь не позволяет тебе вернуться в неё, а на твоей душе лежит невыносимый груз вины, то единственный способ освободиться – бросить эту самую жизнь на алтарь чего-то, за что не стыдно умереть. Лишь теперь стало осознаваться, что и жить надо только тем, ради чего умереть не стыдно. Всё, что не стоит смерти, и жизни не стоит. Это понимал своей чистой душой Юра. Это понимала Ира. И все, кто погиб здесь, понимали. И пошли до конца...

Матери о своём решении Роберт ничего не сказал, соврав, что, не имея возможности найти новую работу в Одессе, хочет попытать счастья в России. Мать не возражала. Тётя Клава уговорила её погостить у неё в Херсоне, и это было к лучшему. Однако, выговориться всё-таки хотелось. Долго ища, кому бы излить душу, Роберт отправился к Михалычу. Михалыч – старый рыбак, человек простой и грубый, но притом цельный и отличавшийся природным здравомыслием – был другом отца Роберта. Но после его смерти Роберт почти не встречался с ним. А, вот, теперь вдруг вспомнил о нём. Вспомнил, как часто в детстве «ходил» с Михалычем и его ребятишками в море, рыбачил. А потом занёсся... Образованный человек, успешный молодой юрист, которому прочили хорошую карьеру. О чём ему было говорить со старым рыбаком? И, вот, появилось, о чём...

Михалыч жил в крохотной комнатухе старого дома. Кроме железной, похожей на больничную, койки, стула, стола, сбитой собственноручно полки и старого, рассохшегося сундука в ней ничего не было. Но даже здесь всё как будто пропахло рыбой, от духа которой Роберт поморщился.

Старик гостю не удивился:

– Седай, – кивнул на койку, – помянем.

Водку Роберт не любил, но помянуть – дело святое. Впрочем, это и не водка была, а что-то сильно худшее, от чего зарябило в глазах.

– Слабак, – махнул рукой Михалыч. – Отец твой крепше был. О горе вашем знаю. Прости, что не зашёл. Я, сам видишь, как бомж теперь, хоть и с крышей над головой. Сомневался, что тебе и твоей матери будет отрадно мою морду видеть. Рад, что сам пришёл, вспомнил старика.

– Я попроситься пришёл, – сказал Роберт, уже оправившись от выпитого «зелья».

– Уезжаешь?

– Уезжаю.

– На войну?

– Как вы угадали?

– А я не угадывал. Я отца твоего знал. Мужик был. Хотелось бы, чтобы и ты в него пошёл. А мужику сейчас место на войне. Я бы и сам... кабы не мои годы. А так – разве что Бовочку своего порешить тут, – старик нахмурился. – Знаешь ли, что Бовочка-то, падлюка, в фашисты записался? То-то! У Дома Профсоюзов был, да. С другой стороны! Я как узнал, сказал: «Я тебя, сучонка, породил, я тебя и пришибу, чтобы имя моё не позорил. Пусть оно и не славное, но честное!»

Роберт только рот открыл, не веря своим ушам. Бовочку, старшего сына Михалыча, он помнил хорошим, бойким парнем. Именно он, Бовочка, учил когда-то Роберта и другую «мальшню» плавать. А теперь?..

– Правосек ..., – аттестовал рыбак сына непечатным словом, качая заросшей седым волосом головой. – Перед людьми стыдно, веришь? Что от моего семени этакая гадина выросла.

– Что же с нами случилось, Иван Михалыч? – тихо спросил Роберт. – Моя сестра готовила для них «зажигалки», ваш сын бросал их в здания... Мой лучший друг с невестой погибли

там. А ведь мы же росли вместе, мы все были – одно! Мы учились в одних школах, говорили на одном языке, в наших жилах течёт одна кровь, а теперь они убивают нас?!

– А нам ничего не остаётся, как убивать их, чтобы не быть убитыми, чтобы не позволить им убивать безнаказанно...

– Почему?

– Почему-почему... Потому что в одних дьявол вселился и гонит их бить, жечь, уничтожать... Тех, кому он ещё не указчик. Нас.

– Вы разве верите в Бога?

– Да не то, чтобы... Сам понимаешь, нас воспитывали без всяких там... религий. Но, вот, в дьявола я, глядя на всё теперешнее, начинаю верить. Не обошлось здесь без козлобородого, точно не обошлось. А раз он есть, так, значит, и Бог должен быть... Я-то уж вряд ли эту заковыку пойму, а ты поймёшь! – Михалыч округлил красноватые глаза и пристукнул кулаком по столу.

– Почему вы думаете?

– Ты на войну идёшь. Война тебе и ответит. А ты мне расскажешь, ежели живой вернёшься, и ежели я прежде того не помру. Обещаешь? – старик лукаво прищурился.

– Обещаю, Иван Михалыч.

– Ну и добре. Поезжай с Богом. Предложил бы я тебе на посошок накатить, да вижу мой самогончик тебе кишки шибко жгёт. Ступай, Робочка. Воюй честно и вертайся с победой. А я постараюсь тебя дождаться.

С этим напутствием и покинул Роберт родной город, захватив с собой лишь деньги и смену белья. «Тебе бы снайпером быть!» – сказал когда-то хозяин тира, где он выиграл медведя для Лили. Снайпером или не снайпером, но за всех погибших, за Юру, за Иру, за сестру он этим гадам отплатить сумеет. А попутно, может, и самого себя на войне отыщет, и поймёт что-то, что не даётся пониманию «нормальных людей»...

Глава 2.

Мирослава – это имя отец дал ей при рождении, а спустя шесть лет, при крещении назвали Верою... Редко бывает, чтобы имена так точно отражали душу, саму жизнь носящего их человека. Миротворчество и вера – такова была суть Мирославы. Да и как иначе могло быть, если сама жизнь сделала её стезю узкой и не предполагающей выбора. Впрочем, может, это ей казалось, что выбора нет, а другая на её месте легко бы увидела его и, не смущаясь лишними «комплексами», обычно отягощающими жизнь совестливых людей, двинулась по совсем иной дороге.

Мирослава была младшим ребёнком в семье. Её любимая сестра, Галинка, была старше её на два года. Умная, весёлая, большая рукодельница, она была для Мирославы примером. К сожалению, от рождения сестра была больна – тяжёлый порок сердца. Врачи вынесли приговор: без операции девочке не дожить и до восемнадцати лет. Операция же сама могла стоить Галинке жизни...

Всё же, когда сестре исполнилось десять, родители решились. Ведь каждый год промедления снижал шансы на успех операции. Галинке, конечно, не сказали, что именно её ждёт, пообещав, что во сне доктор починит её сердечко, которое позволит ей, наконец, также безопасно резвиться со сверстниками, как Мирославе.

Галинка обрадовалась этому обещанию (она так мечтала о велосипеде и коньках!) и ничуть не боялась. На последнем семейном ужине перед отправкой в далёкий кардиологический центр сестра была очень весела. Родители и бабушка надарили ей множество подарков и также старались выглядеть бодрыми.

Утром Мирослава в последний раз увидела ту Галинку, которой так восхищалась, которая учила её читать, помогала с уроками, с которой они вместе взяли сочинять рассказы из жизни животных и мечтали уговорить маму завести им собаку...

Через долгих два месяца сестра вернулась. Но это был уже другой человек. А, точнее сказать, тень, память прежней Галинки... Через три дня после операции её сердце остановилось. Пока снимали незадолго перед тем наложенные швы, пока пытались заставить сердце биться вновь, мозг оставался без кислорода. Итог – полностью недееспособный, искалеченный человек... Впрочем, с «починенным» сердцем, дающим ему возможность промучиться ещё долгие годы.

Даже теперь обращаясь памятью к тем дням, Мирослава иногда думала, что лучше бы этой операции не было. Да, может быть, Галинка прожила бы обидно мало, но она бы жила! Пять, семь, десять лет – *жила!* Ведь это лучше, чем двадцать лет сидеть недвижно, бессловесно в своём кресле, ничего не мочь, от всего страдать... А сколько ещё впереди...

Тем не менее, Мирослава очень любила свою сестру. Её детство закончилось, когда ту привезли домой, и вся жизнь полностью изменилась. Теперь Мирослава словно стала старшей. Она чувствовала себя ответственной за Галинку и всеми силами старалась помочь ей, ещё надеясь, что её можно вернуть. Она принесла в дом щенка и настояла, чтобы он остался в доме, обещая заботиться о нём единолично. Когда Мирослава к ужасу матери посадила тёплый, повизгивающий комочек на колени сестре, лицо той впервые ожило, дрогнуло в подобии улыбки, в её глазах девочка прочитала бесконечную благодарность. Так сёстры снова стали понимать друг друга. И Мирослава поставила себе целью хоть отчасти возратить Галинку к жизни и сделать эту жизнь, насколько возможно лучше, наполнив любовью и заботой.

В школьные годы у неё не было подруг, потому что на них просто не оставалось времени. С уроков она бежала домой – заниматься с Галинкой. Когда к той приходила нанятая родителями учительница-специалист, Мирослава не отходила ни на шаг, запоминая, как та рабо-

тает. Вместе с Галинкой она смотрела мультфильмы, гуляла, играла перед ней с выросшим в большого косматого пса Динго, читала вслух, рассказывала... В глазах сестры она видела понимание, и это придавало сил. Постепенно Галинка худо-бедно научилась сама есть, ей нравилась музыка, нравились службы в церкви, прогулки, живопись... К сожалению, Город был весьма беден по части галерей, и Мирослава заботливо собирала фотографии известных полотен, увешивая ими комнату сестры. Когда-то имевшая талант к рисованию, Галинка и теперь иногда бралась за карандаш, словно что-то вспоминая, напрягая плохо слушающиеся пальцы. Её рисунки были похожи на те, что рисуют маленькие дети для своих родителей, но врачи и это считали большим чудом «в таком состоянии».

Так прошло детство. Сверстники играли, ходили на танцы, влюблялись. Мирослава ходила за сестрой и вместо модных журналов штудировала медицинскую литературу. Она уже знала, что непременно станет врачом, чтобы помогать таким, как её сестра, и самой Галинке.

Институт Мирослава закончила с красным дипломом. Это была последняя радость отца, ушедшего две недели спустя... Через несколько лет не стало и бабушки. Они остались втроём: Галинка, Мирослава и мать, теряющая зрение и всё реже выходявшая на улицу. Вся жизнь молодой женщины разделилась между больницей, где она работала, и домом, где об отдыхе также можно было не мечтать. И всё же Мирослава не жаловалась. Их троих связывала такая крепкая любовь, которая давала силы им всем. И никогда не думала она поменять свою участь на неведомую «лучшую». Казалось, что всё так и будет вечно... Старый дом на самой окраине с огородом и козой, три женщины, живущие в своём, оторванном от остального мире.

Но однажды в Город пришла война. Без торжественного сообщения («Сегодня в четыре часа утра...»), буднично, но от этого не менее жестоко. Когда колонна вражеской техники только ползла к Городу, казалось, что это всего лишь попытка запугать. Ведь не будут же они, в самом деле, всё это использовать против ни в чём неповинных людей, «преступление» которых состояло лишь в том, что они посмели высказать своё нежелание жить в одной стране с властью, которая не уважает их прав, языка и традиций? Ведь эти вопросы можно решить миром! Просто поговорить с людьми, понять друг друга, приструнить сумасшедших радикалов, чей разбой и спровоцировал народное возмущение!

Когда под танком погиб первый человек – один из тех простых деревенских мужиков, что вместе с бабами вышли останавливать технику голыми руками и витиеватой бранью, закрались первые сомнения. Неужто и нас так давить будут? По трупам пойдут – лишь бы догнать своё? Нет, не может быть... Ведь всё-таки мы – один народ! Что же они там – если не в правительстве, то в армии – без совести все?

Не верилось. Даже когда гнали к Городу «Ураганы» и «Грады» (никогда Мирослава в оружии не разбиралась, а теперь заставила жизнь) – не верилось. Братья! Люди! Одумайтесь! С кем вы сражаться хотите таким страшным оружием? С малолетними детьми и немощными стариками? Или уже вовсе зашорены ваши глаза и души, и вам всё равно, кого убивать – *лишь бы убивать?*..

Пока шли перестрелки, попытки прорывов в Город, отражавшиеся ополчением, ещё теплилась надежда. Но сегодня утром в огород соседа дяди Вити упал первый снаряд. А затем чуть поодаль ещё один. Дядя Витя задумчиво ходил вокруг воронки, шкрябая покрытый седой щетиной подбородок, качал головой:

– От же ж бисово отродье... Ну, ты, поглянь, Славушка, шо понаделали. Пропали мои грядки! Ещё и стекло на веранде посыпалось... Нет у этих фашистов матерей, не может быть! Чёртовы они дети...

– И чёртовой бабушки, Петрович! – раздался весёлый голос.

Олег легко перемахнул через невысокий забор, хлопнул деда по шуплому плечу:

– Не горюй, отец! Скажи спасибо, что в дом не попало!

– Да уж, спасибо! – фыркнул дядя Витя. – А завтра, поди, попадёт? Как думаешь?

Олег посерьёзней:

– Всё может быть. Пока они только пристреливаются. Проба пера, так сказать...

– Ну, дякую тобі, сынку, обнадёжил, – усмехнулся дед и, припадая на большую ногу, заковылял к дому, бранясь сквозь зубы.

Олег присел на жёрдочку забора и потянул за собой Мирославу, крепко сжав её руку. Та послушно села рядом, глядя перед собой.

Олежку Тарусевича она знала ещё со школы. Это был единственный мальчик в классе, который, нисколько не опасаясь прослыть «чеканутым», как «эта», исправно провожал её до дома, выискивал картинки и открытки для Галинки и даже гулял с ними обеими и приходил на чай. Это человеческое отношение к сестре особенно трогало Мирославу, и она была глубоко благодарна за него Олегу.

После школы Тарусевич ушёл в армию, а, вернувшись, устроился в мастерскую по ремонту машин. Руки у Олежки всегда золотые были. Если дом Мирославы ещё не рассыпался на части, то только благодаря ему: крыша, пол, ступени – всё было починено этими работающими руками. Впрочем, было у Олега и ещё одно занятие – так сказать, для души. Пописывал он для себя разные занимательные истории да стихи. Последние, правда, слабоваты были, а, вот, рассказы Мирославе нравились. Кое-что она даже читала вслух Галинке, и той они нравились также. Сам же Олег, относился к своей «писанине», как к забаве и не более того.

Странные сложились отношения между ними. Мирослава знала, что Олег питает к ней не только дружеские чувства, что он любит её, любит по-настоящему. На видного и работающего парня девицы заглядывались – только свистни! Мог бы Олег и жениться уже, и жить, как все. А он словно не обращал внимания ни на кого, преданно помогая своей однокласснице, вменив себе эту заботу в обязанность. А что же она? Своих чувств к Олегу Мирослава не понимала. Конечно, это был самый близкий, не считая матери и Галинки, для неё человек, единственный друг, на которого всегда можно было рассчитывать. Но любовь... Так связана была Мирослава семейным горем, так занята хлопотами о сестре, что не до себя было, не до разбирания собственных чувств. К тому же какое будущее могло быть у неё с Олегом? Зачем ему такая жена, такие проблемы? Ему совсем другая женщина нужна. Рассуждая так, Мирослава, однако, чувствовала себя виноватой перед Олегом. Ведь невольной подавала она ему надежду, принимая его бескорыстную помощь, позволяя ему подлаживать свою жизнь под её...

Вот, и теперь отчего-то совестно было поднять на него глаза... А он сидел рядом, сильный, уверенный в себе, мужественный. Одним из первых он вступил в ополчение, уже несколько раз побывал «в деле» и чувствовал себя в этой круговерти, как рыба в воде. Прирождённый защитник... Обычную футболку и джинсы сменил камуфляж, лицо загоревшее, обветренное, а глаза синеватые поблёскивают озорно, и волосы светло-русые непокорно вьются – сидит, семечки полуживает и тоже не смотрит на ту, к которой пришёл.

– Я чего пришёл, – сказал, наконец. – Я вечером на передовую выдвигаюсь.

– Куда? – спросила Мирослава.

Олег назвал Предместье, которое наиболее рьяно пытался взять противник.

– Отправляемся в подчинение Сапёра.

– Кто это – Сапёр?

– Комендант тамошний, линию обороны держит. Говорят, отличный мужик и начальник грамотный.

– Местный или из России?

– Говорят, местный. Но шифруется знатно. При посторонних, а тем паче при журналистах только в маске появляется.

– Может, семья у него, не хочет подвергать опасности, – предположила Мирослава.

– Может быть, может быть, – согласился Олег. – Я, вот, тоже не хочу, чтобы ты себя подвергала опасности.

– Ты о чём?

– О чём? Ты думаешь, «подарок», что к деду на огород залетел, последний?

– Теперь уже... не думаю...

– Ну, правильно. Ты знаешь, сколько они техники нагнали, Мирка? Таким огнём здесь всё живое с лица земли смести можно. Они и будут сметать, потому что воевать не умеют, потому что трусы и сволочи.

– Разве это возможно?

– Возможно, Мирка. Нет, конечно, если к нам «вежливых людей» с не менее «вежливой» техникой пришлют, то «укропам» ловить будет нечего.

– А если не пришлют? – Мирослава тревожно взглянула в лицо Олегу.

Тот помрачнел:

– Если не пришлют, то армагеддец нам здесь обеспечен. По высшему разряду.

– И что же делать?

– Кто может, тем лучше уезжать из города. Детей увозить, больных... Это я тебе, в общем, и хотел посоветовать.

– Ты прекрасно знаешь, что нам некуда ехать, – развела руками Мирослава. – Кому и где мы нужны? У нас же никого нет. Да и больницу я не могу оставить. Там мои больные, их надо лечить...

Олег обречённо махнул рукой:

– Другого я не ждал. Ладно, тогда запоминай: если начинается обстрел, немедленно прячься в подвал. И всё самое ценное и необходимое заранее туда отнеси.

– Олеч, самое ценное у меня – Галинка и мама. Ты себе представляешь Галинку в подвале? И как её туда-сюда таскать? Да ещё немедленно? А если меня не будет дома?

Олег досадливо стукнул кулаком о деревяшку:

– Мир, что ты хочешь услышать? Я не знаю ответа на все эти «если». Если бы моя жизнь могла избавить вас ото всего этого, я бы с радостью отдал её тотчас, но она, знать, слишком дешёва!

Мирослава опустила руку ему на плечо:

– Это твоя-то жизнь дешёва? Да как бы мы без тебя жили последние годы... Я таких людей, как ты, никогда не встречала. Поэтому береги свою жизнь, пожалуйста! У нас ведь кроме тебя никого нет...

Олег сжал её ладонь, пытливо посмотрел в глаза:

– У нас? А у тебя?

– И у меня... – потупила взгляд Мирослава.

– Вот что, Мир... Я давно с тобой поговорить хотел, но всё откладывал. А теперь уже откладывать некуда. Вечером я уезжаю... И я не знаю, что будет через день, через неделю, через месяц. Так, вот, я хочу знать, мы так и будем играть в детскую дружбу или ты всё-таки выйдешь за меня замуж?

Мирослава вздрогнула:

– Олеч, да ведь у меня Галинка, мама... Ты же знаешь...

– Кажется, все эти годы я заботился обо всех вас троих. И твоя сестра с тётёй Аней уже давно мне не чужие. Вы уже моя семья, неужели ты этого не понимаешь? Но я устал от неопределённости, Мир. Я люблю тебя, и не делай вид, что этого не знаешь. Я хочу, чтобы всё по-человечески было и только.

– Я тоже этого хочу, – тихо отозвалась Мирослава. – И... я согласна!

Лицо Олега просветлело:

– Тогда мы обвенчаемся, как только я вернусь! – решил сразу. – А в том, что я вернусь, ты теперь можешь не сомневаться. Мне и бронезилет не нужен – я теперь заговорённый! – с этими словами он обнял Мирославу и поцеловал её.

Прекрасное мгновение, однако же, было тотчас прервано бестактным ворчанием дяди Вити:

– Гляди-ка, нашли, понимаешь, время хороводиться! Тут, понимаешь, грядки все кобелю под хвост, а у этих...

– А ну тебя, старый ты хрыч, с твоими грядками! – воскликнул Олег. – Женимся мы, отец, понимаешь? Она мне только что согласие дала, вот! А ты – «грядки»!

– Ну... то другое дело, – смягчился дед. – Наши вам поздравления. Такое событие и спрыснуть бы не грех.

– Спасибо, отец, но я на службе, – твёрдо ответил Олег. – Сам знаешь, у нас тут «сухой закон».

– Тоже правильно, – согласился дядя Витя. – Ладно, сынку, ты, главное, накрути хвосты этим поганым за мои грядки да целым возвращайся.

– Обещаю, отец! – рассмеялся Олег и, расцеловав напоследок Мирославу, простился с нею «до свадьбы».

– Эх, дочка, что ж теперь будет? – вздохнул дед, озабочено бродя вокруг воронки.

– Не знаю, дядя Вить, – откликнулась Мирослава. – Что Бог даст... – взглянув на часы, она заспешила домой. Нужно было покормить Галинку, приготовить для неё с мамой всё, что им может понадобиться до завтрашнего утра – Мирослава должна была уйти на ночное дежурство. И... самое необходимое в подвал отнести. Подумать, как оборудовать его для Галинки с мамой. А, главное, как сделать спуск туда. Галинка и теперь всё что маленький ребёнок была – лёгкая, как пушинка. И мама сможет поднять её в случае необходимости. Но мама плохо видит, и, значит, спуск должен быть лёгким. Эх, не догадалась Олега спросить – придётся самой придумывать... И так мало времени на всё!

– Война, дочка, страшная это штука, война... – бормотал вслед дед. – Я войну мальцом пережил, помню... И хаты сгоревшие, и людей повешенных... От уж не думал, что снова придётся ей, проклятой, в бельма её посмотреть...

Не думала и Мирослава, что «война», такое незнакомое ей понятие, «война» – что-то из книг и фильмов, да из других стран, «война» – что-то далёкое и неосязаемое, станет вдруг жуткой реальностью, в которой ей придётся существовать, ежечасно борясь за свою и чужие жизни.

Глава 3.

– И что у тебя, Таруса, морда, как у нажравшегося сметаны кошака? – насмешливо спросил Олега Стёпка-Курган, когда машина под покровом сумерек тронулась в направлении Предместья.

– Да, вот, женюсь! – без обиняков объявил Олег.

– Тоже дело, – одобрил, блеснув стёклами очков, Профессор. – На свадьбу-то пригласите?

– Всех, всех приглашу! – пообещал Олег.

– Всех, всех... – передразнила рыжая Ленка-Белка. – В шесть часов вечера после войны, что ль, приглашать будешь?

– А хоть бы и так!

Рота уже успела сложиться и принять участие в первых стычках. Хотя... Какие это, в сущности, стычки были? Так, постреляли маленько, размялись. Зато теперь дело предстояло. На каждого ополченца добро если по десятку человек у противника выходило, а то и больше. А уж оружия-то!.. Против наших «калашей» стареньких, да гранатомётов, да какой-то рухляди времён ВОВ, из музеев изъятой – танки, БТР, самолёты, самоходные установки... Но, чёрт возьми, победил же Давид Голиафа? И в лучшие дни русские не числом, а умением побеждали!

– Да разве ж дело в числе... Как «Градами» крыть пойдут – какое тут на хрен умение поможет? – машет рукой Курган, профессиональный скептик, которого язва-Ленка прозвала «Каркушей».

Но, в общем, прав он, Курган-Каркуша. Если на сердце руку положить, то и с умением у нас не так, чтоб здорово. Ополчение – это тебе не регулярная армия. В нём простые мужички да пацаны, военных премудростей не знающие. А иные и не служившие вовсе. «Рота» – это пока лишь только название громкое. По численности скорее взвод. До роты ещё добирать и добирать добровольцев. Они, правда, подтягивались в последние дни энергично – и из местных, и из окрестных регионов, и с Большой Земли – но, большей частью, необстрелянные и необученные, которых ещё всему учить да проверять, на что годны. Ведь не каждому это дано – воевать. Не обывкшему на войне худо бывает. А у тех, что местные и вовсе – «рабочий синдром»: день отслужил, а на ночь к бабе домой. А то ещё, пожалуй, и щец навернуть в обед поспеть норовят.

Ох, и намыкался Профессор, такое пополнение тренируя. Теперь счастлив был. Тренировать остался другой офицер, а его с уже подготовленными бойцами, наконец, отправили на передовую.

Профессора звали Сергеем Васильевичем. Он в Город примчался прямиком из Крыма, а туда из Москвы. Известно о нём было мало, так как он не любил рассказывать о своей жизни. Но уже не раз успели отметить бойцы, что знаний у этого человека на академию наук достанет. О чём ни спросишь, всё знает. Особенно о том, что касалось войн всех времён и народов, да истории, да философии, да литературы... Да и на религиозные темы Профессор не хуже попа трактовал. А, пожалуй, что и лучше. Жаль, времени не хватало на разговоры эти – другим заниматься нужно было. Да и не все ведь просвещения жаждали, хотя свою «энциклопедию при погонах» ценили высоко, уважали.

А Олег не упускал случая оной воспользоваться. Сам он к наукам способностей никогда не имел, потому и о высшем образовании не помышлял. Вроде бы и ничего, да подчас при Мирке неловко становилось. Вот ведь голова! Школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, прекрасный врач... А Олег рядом с ней вахлак вахлаком. Только что в живописи маленько поднаторел, пока репродукции для Галинки выискивал. Книги, правда, почитывал, да и то с ленцой. А Мирка пеняла, настаивала, чтобы он читал и писал сам. Без чтения, –

говорила, – сам не научишься писать по-настоящему. Да он и не стремился, в общем... Всё равно ведь Толстым не станешь, как мать-покойница говорила.

Олег рос без отца. Тот, ещё когда ему не было и двух лет, сошёл в командировку с другой женщиной да так и остался с нею в Киеве. У них родился сын, Лёнька. Олег ездил к отцу каждое лето, подолгу жил в его новой семье. С Лёнькой они были настоящими братьями и очень любили друг друга. Правда, в последний год пробежала меж ними кошка. Уж очень увлёкся братишка «романтикой» Майдана. Даже башку свою обкорнал – чисто кузнец Вакула, даже усы такие же. И мамаша его с папашей хороши тоже. С него-то что взять – мальчишка, считай! Но эти? Раиса Леонидовна, правда, никогда не отличалась умом, а всё больше настырностью и умением «дожать». Но отец-то куда смотрит? Совсем уже под каблуком у своей Раечки думалку отключил?

Нарочно не общался Олег с родными последние месяцы. На отца он и вообще два года зол был за то, что на похороны матери не приехал. Так и не бывал с той поры в Киеве...

А отца, между тем, не доставало. Не теперь только, а всю жизнь. Оттого ещё так тянуло Олега к Профессору – сыновним чувством. Нет-нет, а думалось, будь у него такой отец, может, и не был бы вахлаком, а совсем наоборот... Интересно, есть ли у Профессора семья? Не похоже... От семьи да налаженного быта, давно переступив сорокалетний рубеж, не срываются так очертя голову. «К чёрту за синею птицей», как любил он говаривать, цитируя белого генерала Маркова, о котором Олег прежде и слыхом не слыхивал.

Когда Сергей Васильевич узнал, что бойцы окрестили его Профессором, развеселился – так и Маркова величали. Это сходство явно нравилось ему. Он, вообще, словно из другого времени был. Высокий, подтянутый, с сухим строгим лицом, умными, выразительными глазами, чуть скрывааемыми стёклами маленьких очков. Лицо, манеры, речь – всё было каким-то странным в этом человеке. Никогда не слышал Олег, чтобы Профессор ругнулся непечатно или объяснился ещё более, как он считал, «мерзким» современным сленгом. Ему ругань и не нужна была. Его приказы и без того звучали веско. Замечательны бывали метаморфозы: сидит во время отдыха мирный, как будто и вовсе далёкий от войны человек, рассказывает вкрадчивым, негромким голосом о событиях давно минувших дней, точно сам был свидетелем их – ни дать – ни взять профессор институтский, интеллигент-белоручка. Но, вот, что-то бахнуло, и во мгновение ока исчезает «белоручка» и на его месте является офицер. Голос становится стальным, приказы лаконичны и чётки, движения быстры и уверены. И не вот скажешь, какая ипостась ему идёт больше...

Из остальных сослуживцев Олег давно знал Каркушу и ещё несколько ребят. Был ещё парень из Одессы по кличке Дениро. Он ещё мало чего умел, но так рвался на передовую, что решено было взять его с собой – по ходу дела всему и научиться, если жив останется. А пока что окопы пороет, как все новички. Перспектива «землестроительных работ» Дениро не вдохновила, но отступать было поздно. Он жаждал стать снайпером, утверждая, что исключительно метко стреляет. Стрелял он и впрямь изрядно. Вот, только снайпер – это не только умение попасть в цель, но особый психологический склад, хладнокровие. А этого Дениро как раз не хватало.

Снайпер в роте, между тем, был. Белка прикатила, страшно сказать, из Ровно. Её в роте уважали особенно, именно потому что она не просто ополченка, а снайпер. Такие кадры на вес золота. Правда, Олег питал к Ленке смешанные чувства. С одной стороны он восхищался её профессионализмом, выдержкой, мужеством, тем, что она, выросшая на Западной Украине, приехала сражаться на стороне Востока. Но... Но женское ли это дело – стрельба по живым мишеням? Даже, если эти мишени – враги? Ведь это же даже не в бою убивать – ты стреляешь, в тебя стреляют. Это – охота. Выслеживание ничего не подозревающей жертвы и... Необходимость, конечно, но для женщины... С той стороны, кстати, тоже – женщины. Латышки, эстонки... Профессор говорил, такие же были в Приднестровье. Там некоторых из них жестоко

истязали, когда удавалось поймать. Они же, твари, не только убивали, но и увечили, глумясь. И в Чечне – так же было.

И чего это бабы в снайперы идут? Или психика их для этого дела более пригодна, нежели мужская? Не мог этого Олег в толк взять. И виделось ему, что женщина-снайпер – это уже не совсем женщина. Во всяком случае, любя и уважая Белку, как мастера и боевого товарища, он никак не мог представить, что её можно, например, поцеловать... Жениться, завести детей... Ну, как, чёрт возьми, жить со снайпером?

Однажды Олег поделился этими своими сомнениями с Курганом. Тот, обычно мрачный, покотился со смеху. Оказалось, что он как раз совсем иначе на Ленку смотрит. И снайперская винтовка в его глазах лишь красит её. Сильна баба!

Ну... Как говорится, каждый выбирает по себе. Для Олега лучше Мирославы на свете нет никого. А разве можно её представить с винтовкой? Ни в каком бреде! А разве слабее она Ленки? Разве занимать ей мужества и стойкости? Да всем одолжит ещё! Но при этом она – сама женственность, нежность, любовь и чистота.

Этого Олег грубоватому Каркуше, конечно, не говорил. Своё вынашиваемое со школьных лет чувство он ревниво оберегал, привыкнув, что понимания оному не встретишь. Скорее, пальцем у виска покрутят. Так было всегда. Сначала в школе он был предметом насмешек за свою дружбу с Миркой. Мальчишки – ладно. Им он всегда мог надавать хороших тумаков и заставить уважать своё право водить дружбу с теми, с кем ему угодно. Но девчонки... Эти со своими языками острыми, когда что не по ним, в настоящих злыдней обращаются. К Мирке они ревновали и считали своим долгом шпынять её, дразнить, пакостить. Ну, и Олегу, конечно, тоже. Но им-то не мог он навешать тумаков! Ходи и терпи...

Даже мать не понимала этой дружбы с «бедной девочкой, у которой такая тяжёлая ситуация дома». Даже соседи норовили «дать добрый совет». За двадцать лет знакомства с Миркой «советов» этих Олег выслушал бесчисленное множество и, в конце концов, смирился с мыслью, что ожидать понимания от кого-либо не стоит. Даже брату Лёньке он никогда не рассказывал о своей подруге. Даже отцу.

Мать, впрочем, Мирославу всё же приняла. Она заболела, когда Олег был в армии, и Мирка, уже учившаяся на врача, каждый день навещала её, помогала, чем могла. Мать даже как-то сказала, что, если бы не эта забота, то, может, и не дождалась бы она Олега. Правда, после она на какое-то время поправилась и прожила ещё несколько лет... А перед смертью благословила: «Твоя Мирослава – ангел. Она святая. Если пойдёт за тебя, женись на ней».

Олег и сам Мирку святой считал, потому так долго и не решался объясниться с ней. Он-то рядом с её каждодневным подвигом что такое был? Он и слова для объяснения выдумывал высокие, поэтические (всё-таки книжки читал, поэзию особенно): не банальное предложение руки и сердца, а предложение разделить крест, подвиг... Сочинял и отбрасывал. «Крест», «подвиг» – сам порог церковный в сознательном возрасте лишь однажды переступил, когда мать отпевали, а туда же! Что б понимал... Кабы не война, пожалуй, ещё долго бы не решился заговорить. А тут прижала она, и само всё сказалось – просто и безыскусно. И, оказалось, что лучше этой простоты ничего и нет. Он просто сказал, она просто ответила – и всё встало на свои места. Теперь бы только нечисть эту бандеровскую разгромить, и начнётся совсем другая жизнь. В своей стране, не опоганенной мразью, в своём доме, со своей женщиной, которую он всегда и от всего сумеет защитить...

Глава 4.

По улице из последних сил бежит человек. Рубашка на нём разорвана, по лицу течёт кровь, в глазах – животный страх. Этот страх передаётся мгновенно, как электрический ток по проводу, и Ирина Ростиславовна вжимается в стену – жаль, никакой ниши рядом.

Топот десятка ног – это уже преследователи. «Москалей на ножи!» «Слава Украине!» «Смерть москалям!» Люди ли это? Нет, не люди. Сбившиеся в стаю дикие звери или, скорее, свора притравленных собак, спущенных с цепи с командой «Ату!» Они уже попробовали крови, и кровь опьянила их, а безнаказанность и даже поощрение в преступлениях окончательно обратили в бешеных зверей.

Они бегут от здания посольства России. Кто этот человек, которого положили они растерзать? Они думают, что это – *враг*. Сотрудник посольства. И, значит, его надо *убить*. Киев 2014-го, многим ли отличаешься ты от Тегерана 1829-го?.. Разве что посольство отличается. В нём нет Грибоедовых. Грибоедовы теперь России не нужны. Россия предпочитает Зурабовых. Да и этого подлеца, впрочем, здесь нет, давно «побиг» от греха. Остались лишь рядовые сотрудники. Но беснующаяся толпа легко может растерзать их. Она уже перевернула машины и теперь швыряет в здание булыжники и зажигалки. «Москаляку на гиляку!» «Героем слава!» Этот нескончаемый, месяц за месяцем не смолкающий рёв может свести с ума любого.

Такое ощущение, что уже свели... Едва ли не всех. А тех, кого не свели, тех заставили замолчать. Бойся крикнуть тише других «Слава Украине!», бойся прыгнуть не так высоко, как прыгнул стоящий рядом. Или ты не патриот, гражданин? Тогда ласково просимо на гильотину. Гильотины, правда, пока нет, но и без неё справляются.

Две недели назад арестовали Гришу Федотова, профессора, известного учёного. Ему в его шестьдесят два года вменили работу на ФСБ, подготовку теракта в здании избиркома в день выборов и ещё что-то несусветное. С большим трудом жена, Сонечка, добилась свидания с ним... Оказалось, что в тюрьме Гришу избивали, требуя признания. Сонечка ревела в голос, рассказывая, что у него пол-лица – сплошная гематома. Впереди – суд...

Страшно, страшно жить в Киеве 2014-го года. Страшно уже давно. Выйти на улицу в сумерках – страшно. В лучшем случае, обчистят, в худшем отходят битами. Недавно какой-то «борец за евроинтеграцию» устроил пальбу из пистолета в метро – так, из озорства. Чудом никто не пострадал. И хорошо ещё один был – скрутили его. А, вообще, по одиночке они не ходят – только сбившись в стаи. И что бы они ни делали, милиция не вмешивается. Милиция стоит рядом, когда они убивают и грабят, и делает вид, что ослепла и оглохла.

Она и у посольства стоит сейчас. Слепо-глухая. А что другого требовать от них? За обиду «героям революции» можно, в лучшем случае, поплатиться погонами. А то ещё и подкараулят. А то ещё и до семьи доберутся. Сколько в дни Майдана сыпалось угроз по адресу семей «беркутовцев»! И мало кто сомневался, что это не просто слова. А после «победы» скольких милиционеров отправили на тот свет те самые «герои», которым «слава»? Одних гаишников десятком добрый...

В стране торжествующего беспредела милиция чётко поняла своё место и следовало тому похабному правилу: «тебя не ..., не лезь». Власть теперь они – понаехавшие отовсюду вооружённые молодчики. Склады с оружием на Западе ещё в первые дни раскурочили, а к ним несколько милицейских отделов – милиция и тогда не сопротивлялась, покорно отдавая табельное. Каждый теперь сам за себя, не взыщите, граждане. А граждане, которых «потрошили» уже в марте, обрывали телефоны милиции (той самой, вчера прокливаемой, как «псы режима»), требуя защиты, но «псы режима» не отвечали на звонки. Хотели революцию? Получайте и расхлёбывайте! А мы пушечным мясом уже побыли на майдане – хватит.

В какое-то утро Ирина Ростиславовна была разбужена воплями, доносившимися с улицы. Там шесть молодчиков в масках и шевронами Правого Сектора избивали двух ребят, а вокруг бегала и звала на помощь обезумевшая от ужаса девица. До приезда вызванной кем-то милиции «правосеки» укатили. Милиция записала показания и развела руками. С «правосеками» вязаться – себе дороже. Впрочем, может и не «правосеки» то были, а обычные уголовники. Красно-чёрный шеврон теперь все цепляли – лучшая броня!

Вон, в поликлинику детскую заявили четверо мальчишек, вызвали заведующую отделением: «Вы не сочувствовали революции и симпатизировали режиму Януковича. И пациентов вы принимаете неправильно, потому что украинцы у вас сидят в общей очереди с неукраинцами. Вы должны уволиться. А если нет, то вашей семье придётся плохо». По-хорошему, поймать сопляков и выпороть по первое число. Но у них – *красно-чёрные шевроны*. А это – страшно. Одессу помнят все. И заслуженная врач покорно пишет заявление...

Страшно! Страшно приближаться к майдану, превратившемуся в Хитровку. Пьянство, наркотики, разврат, драки и грабежи – всё это цветёт здесь буйным цветом. А как иначе? Съехались в Киев «активисты» со всех концов страны. К труду не приучены, аппетитом не обделены, оружие «надыбыли». Да ещё же по амнистии уголовщину из тюрем выпускали – пополнили ряды «героев». И что же делать этой публике? Из столицы уезжать они совсем не желают – им тут в палатках и захваченных зданиях куда как неплохо. Работать они не умеют. Да и на кой работать, когда можно грабить случайных прохожих и неслучайные магазины и банки, заниматься рэкетом по собственному почину или запродавая себя в качестве грубой физической силы более «крутым пацанам»? Не жизнь, а малина!

Малина – то-то и оно. Вся незалежность воровской малиной обратилась. А «фраерам» остаётся одно: бояться или воевать, как Луганск с Донецком.

Мимо посольства Ирина Ростиславовна идти не рискнула. Слишком жарко там было. Уже ревели протяжно дурными голосами излюбленное: «Путин – ...! Ла-ла-ла-ла-ла-ла!» Вот оно – альфа и омега национального сознания! Вот он пик развития древних укров, произошедших от греческих богов по утверждениям особо патриотичных историков! Вся культура, вся свобода свелась у них к возможности хором петь матерные песни из двух слов, привлекая к тому и детей, писать непечатные слова на билбордах и футболках. Тяжела поступь торжествующего Хама, мнящего себя венцом цивилизации!

При мысли о детях совсем затуманилась душа Ирины Ростиславовны. Она, педагог с почти полувековым стажем, последние месяцы едва находила в себе силы переступить порог родной школы. Потому что и там, на переменах – скачки дикие: «Кто не скачет...!» А иные педагоги поощряют это, калечат вверенные им души.

«Маши пусть едут туда, где Маши живут, и Петя должен уехать отсюда, если не станет Петрыком», – Ира Фарион, депутат и фурия майдана, ещё когда детишек наставляла, ястребиным носом едва не клюя их! «Нужно, чтобы Бандера приходил к тебе, в твой мир как родственник, как отец, как брат, как что-то родное и неотъемлемое». Чудовище! Истинное чудовище! Виево отродье... Её бы воля – всю Украину русской кровью залила и дальше бы двинулась, в крови той по колено. А ведь кто она? Бывший член КПСС! Комсорг! Помнила Ирина Ростиславовна Фарион в те далёкие годы. Оголтелая большевичка, каких поискать. И ничуть не изменилась с той поры. Просто место КПСС заменило УПА. И то сказать, куда было поздней КПСС до любезного Фарион большевизма – одно название и осталось. Ни тебе террора, ни тебе «врагов народа» (за редким исключением). То ли дело теперь! Теперь на «ридной Украине» возродился тот самый, первобытный большевизм с его кровавым оскалом и блудливо-безумными глазами. «Каждый должен заплатить кровью за неуважение к украинскому языку! Не знающих украинского языка надо расстреливать!» Одно только и утешает – украинского языка и новая власть толком не знает, потому всё больше по-русски клянутся в ненависти к москалям. И эта ненависть теперь – главная идеология Украины, которой пронизано всё.

По счастью Ирина Ростиславовна преподавала математику, а математика наука точная и неизменная при любых идеологиях. В сущности, оттого и выбрала её полвека назад, несмотря на любовь к литературе и истории. При советском строе гуманитарные предметы было невозможно преподавать без лжи, а Ирина Ростиславовна лгать детям не хотела. Годы спустя, солженицынскую нобелевскую речь прочитав, поняла – именно тем и руководствовалась она инстинктивно, ещё не вполне умея сформулировать сама: «Жить не по Лжи!»

Она и старалась так жить. И детей учила тому же, насколько было то возможно. И уверена была, что математика всегда оградит её от конфликтов на идейной почве... В советские времена, действительно, ограждала. А, вот, в новые, «евроинтеграционные», не спасла. В мае на очередном уроке один из учеников спросил Ирину Ростиславовну, что она думает о событиях в Одессе. И старая учительница ответила. Не по лжи. Всё, что думала об убийцах и насаждаемой идеологии ненависти. И не учла, что нынешние «павлики морозовы» куда смышлённее и технически оснащённее. В тот же день диктофонная запись её ответа была в СБУ, а на следующий её уволили. «За антигосударственные высказывания»...

Ученики не могли сдержать слёз, прощаясь с Ириной Ростиславовной. Плакала и она. Столько лет в этих стенах проработала! И своих учеников любила, как мать, вникая в их проблемы, стремясь не «программу дать», а воспитать... Сын, Петруша, даже ревновал её всегда к ученикам. Казалось ему, что Ирина Ростиславовна тратит на них больше времени, чем на него, любит их больше... Может, и впрямь в заботе о детях чужих и не досмотрела она за единственным сыном? И он вырос чужим, не понимающим её, не понимаемым ею...

Вот, и семейная жизнь у него как-то не так пошла. Сперва, было, женился на хорошей, скромной девушке, переехал в другой город по распределению, сын у них родился – всё, как должно. А потом завертела нелёгкая! Встретил эту Райку свою... И чем так взяла она его? Конечно, девка красивая была, спору нет. Даже теперь ещё – ядрёная, как говорят, баба. А душа-то скверная, ледащая душа...

Отец Райки был важный партработник и, как большинство из них, лодырь и пьяница. И сума перемётная. Из яркого коммуниста «перековался» он в столь же яркого демократа и украинского националиста. Занимал тёплые кресла и при Кравчуке, и при Кучме, и при Ющенко... И всегда тонко-тонко чувствуя перемену ветра, успевал перескочить на сторону нового фаворита. В последние годы был Аркадий Яковлевич консерватором и сторонником сближения с Россией, заседал в Раде во фракции «регионалов». Повезло же старому прохиндею, прости Господи, не дожить до новой эры. А, впрочем, пожалуй и в неё бы успел вписаться и вовремя вскарабкаться на очередной майдан?..

Зато уж Райка-то – успела. Эта женщина не работала ни одного дня в своей жизни, хотя любящий отец на всех своих постах умудрялся оформлять на неё штатную единицу, обеспечивая дочке «заслуженную пенсию». Домашних хлопот также не знала она – в семье её не приучали к таким, а Петруша принял это как данность, взвалив все домашние дела поверх работы на себя. Сына, правда, Райка ему родила, но воспитанием его себя не утруждала, предоставив это мужу и свекрови. У самой же у неё были куда более важные дела... Салон красоты, фитнес, кафешки с подружками, премьеры и вернисажи, магазины и модные показы, на худой конец – бразильские сериалы по телевизору. Когда красота начала увядать, Райка решила заняться более «серьёзными делами» – политикой. Она стала ходить на демонстрации, примкнула к сумасшедшим «свободовцам» и уж конечно с осени торчала на майдане. Даже в телевизоре несколько раз мелькала – почти «звезда»! А самое тошное, что потянула Райка за собой и Петрушу-увальню, и Лёньку, который не так давно вернувшись из армии, болтался без дела, унаследовав от матери лень и привычку к «светскому образу жизни».

Этим вечером Ирина Ростиславовна в очередной раз поссорилась с родными. Семейный обед не задался с самого начала, потому что Райка с полуоборота завела «митинг», счастливо сообщив:

– Лёночка записался в добровольцы!

Так и горела вся, не только щёки, но и грудь – что варёного рака панцирь... И голос визгливо-вызывающий.

– И что у тебя за радость? – хмуро осведомилась Ирина Ростиславовна. – Что твой сын поедет убивать невинных людей и сам может при этом погибнуть?

– Это кто невинные?! – всколыхнулась Райка. – Это путинские террористы невинные, которых он натравил на нас?! Это Лугандон с Дондурасом – невинные?!

– Кого ты называешь террористами, Рая? Людей, которые не хотят повторения второго мая?

– Второе мая – гнусная провокация «колорадов»!

– Разумеется. Сами себя подожгли, сами забивали ногами и битами, сами...

– Это всё российская пропаганда! Откуда вы её только набираетесь? Наши ребята пытались помочь этим сумасшедшим! Оказывали им помощь, когда те выпрыгивали из окон!

– Я видела эту помощь, Рая. Я хоть и старуха, но у меня были хорошие ученики и хороший внук, научивший меня пользоваться современной техникой.

– Видимо, в определённом возрасте это становится вредным!

– Рая! – вяло одёрнул жену Петруша, всегда занимавший нейтралитет в семейных спорах.

– Вредно, Рая, слушать лишь голоса ненависти и позволять этой ненависти отравлять свою душу.

– А в 41-м разве не ненавистью фашистов гнали?!

– Ты говоришь о фашистах? – улынулась Ирина Ростиславовна. – Ты, стоящая на трибунах рядом с почитателями Бандеры...

– Бандера не фашист!

– С людьми, доказывающими превосходство одной нации над другими?

– Мы только боремся за наше национальное достоинство!

– Убивая своих сограждан? Женщин? Детей?

– Предателей, сепаратистов и российских диверсантов! Мы должны защищать нашу страну, разве вы не понимаете?! Если на нас нападают, то мы не можем сидеть сложа руки!

– На вас? Нападают? По-моему, вас всего лишь попросили оставить их в покое и уважать их право жить так, как они хотят. А вы, вместо того, чтобы полюбовно уладить конфликт, прийти к разумному компромиссу, послали армию против народа. Неужели вы думаете, что сохраните государство, разорив, уничтожив и навсегда отделив от себя пролитой кровью огромную его часть? Вы просто безумцы! Вы пришли на Майдан свергать бандитскую, насквозь проворовавшуюся власть. Но с кем вы пришли её свергать? С представителями этой же власти, такими же ворами и мерзавцами! И их вы возвели на высшие посты!

– Не смейте так говорить! Мы боролись за наше достоинство!

– Достоинство во главе с ворами и извращенцами во главе?..

– Вы оскорбляете память небесной сотни, погибших героев!

– Мне жаль ваших героев. История знала много революций. Но наша страна может гордиться своим первенством, ибо никогда ещё нищие не свергали одних олигархов с тем, чтобы посадить на их место других. За что погибла небесная сотня? За то, чтобы олигарха Януковича сменил его министр финансов олигарх Порошенко, а вся страна была разделена на вотчины новых феодалов панов Коломойского, Таруты и иже с ними? Рая, попытайся хоть раз посмотреть правде в глаза.

– А мне не нужна ваша москальская правда! – зло бросила Рая. – На нас напали, и мы должны дать сдачи – это сейчас главное! А вам бы следовало помнить, что это не мы вторглись в чужие границы, а москали!

– В самом деле? Когда ваши хлопцы со Львова и Ивано-Франковска приехали в Харьков и Донецк и, захватив там администрации, попытались диктовать свою волю, это разве не было вторжением в чужой дом со своим уставом? Или, быть, может их туда звали?

– Это были просто дети! Настоящие патриоты, желавшие поскорее покончить с остатками «совка» и прошлого режима!

– Остатки прошлого режима сидят в кабинете министров. А те, кого ты называешь детьми, избивали людей железными прутьями, видимо, желая таким образом донести до них «европейские ценности».

– Неправда! Это их избили ваши звери!

– Их в течение недель просили уйти по-хорошему и дать людям работать. Естественно, когда слова не возымели действия, пришлось попросить менее вежливо. И, между прочим, никто при этом не был хоть сколь-либо изувечен. Разбитые носы в расчёт не принимаются.

– Вам лучше уехать с Украины, – холодно произнесла Рая.

– Почему вдруг? Я здесь прожила всю жизнь. И мои родители, и деды. Почему я должна уехать?

– Потому что вы не любите Украину и украинский народ! И украинский язык!

– Ты знаешь украинский язык, Рая? Это новость, я рада за тебя. Но ты напрасно упрекаешь меня в нелюбви к нему. Напротив, я люблю украинские язык, люблю украинские песни, которым учила меня ещё моя бабка. Но песни «Ла-ла-ла-ла» и «Мы не быдло...» я, действительно, не люблю. Потому что я вообще не люблю пошлости, злобы и бездарности. Я люблю Украину и украинский народ, потому что это моя земля, моя кровь. Но я не собираюсь любить безродное племя, которому вместо национальной культуры, вложили в душу дикую спесь ограниченных холопов, возомнивших себя потомками древних римлян и родичами лучших европейских фамилий, и ненависть и презрение ко всему, чей цвет выбивается из жёлто-блакитных тонов. Я предпочитаю, чтобы именно это племя покинуло мою землю, уехав в Галицию, в Польшу, в Литву... Хоть в Америку! Только подальше от моего города, потому что мне невыносимо видеть как измываются над ним ваши новые гунны!

– И всё же уехать придётся вам, – поджав губы, процедила Рая, не обращая внимания на робко-просительные взгляды мужа. – Вы настолько ненавидите Украину, что вас даже не волнует судьба вашего внука, который идёт за неё воевать!

– Опять неправда. Я очень люблю моих внуков. Если ты не забыла, их у меня два. И мне жутко от мысли, что, может статься, эти мальчики будут стрелять друг в друга. Во имя чего, Рая?

– Во имя свободы и независимости Украины!

– Во имя свободы очередных олигархов грабить нас, прикрываясь словами о пламенной любви к отечеству? А ведь их сыновья не идут воевать, Рая. Идут наши. Мой старший внук, по крайней мере, будет сражаться за правое дело. А Лёня... Мне очень больно, Рая. И очень страшно. Потому что я не хочу потерять моих мальчиков для того, чтобы какие-то мерзавцы получали свои дивиденды с их крови. Попытайся остыть и понять меня, – с этими словами Ирина Ростиславовна поднялась из-за стола: – И ты, Петя, попытайся. Олег и Лёня – твои сыновья. И нельзя, чтобы они стреляли друг в друга. Подумай об этом.

– Нам не о чем думать! Наш сын – герой майдана! И на войне он будет героем! – эти истеричные крики она услышала уже в прихожей. И как после такого разговора не поверить, что над Украиной ставится эксперимент по испытанию новейшего психотропного оружия? Ведь они – неменяемы! Настолько, что самые естественные человеческие инстинкты и то притупились в них. Слепая ненависть и безумная гордыня вытеснили всё... Сумасшедший дом, секта... Только неделей раньше у Рады собрались на радение методисты в жёлто-блакитных одеждах и пели «Аллилуйю» властям. Дикое и страшное зрелище массового беснования. А ведь оно – по всей Украине смертоносным вирусом расплозается...

Устало брела Ирина Ростиславовна по пустынным и грязным (грязь – тоже примета времени) улицам. Болело сердце за внуков, и оттого ещё пуще, что ничем не могла им помочь, не могла защитить их. Во второй раз рушился мир, в котором прожила она более семидесяти лет. И на этот раз, пожалуй, страшнее. А, по сути, нынешний кошмар лишь естественное продолжение того, двадцатитрёхлетней давности. В других странах гражданская война и этнический геноцид прошли уже тогда, сразу, по горячим следам. Молдавия, Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан... А на Украине отсрочка вышла. Не вызрел тогда ещё плод ненависти, но за без малого четверть века изрядно удобрили и взрыхлили почву, чтобы он наполнился соком. И, вот, настала страдная пора, и проклятие 17-го, а затем 91-го годов вновь потребовали кровавой жертвы. И, вот, приносилась она под сатанинскими плакатами с изображением смерти, черепов, младенца Антихриста и прочей символики, коими украшен был Майдан, под ритуальные песни и удары в бубны, достойные диких племён африканского континента, под зовущие убивать крики застрельщиков новой великой бойни... И в этот-то обмолот, в жернова беспощадные внуки должны попасть. Господи, как же страшно жить в мире Твоём, людским безумием и злобой изувеченном!

Глава 5.

Последний вечер перед отправкой в зону АТО Лёня Тарусевич коротал в палатке Стастика Лося и Сёмы Лопаты. Знакомство их было давнее – ещё со времён школьного лагеря, в который мать определяла Лёню на каждое лето. В лагере было хорошо: ни доставших по самое не могу «родаков», ни бабки, вечно читающей нотации. А пацаны там были – не в пример ему «мальчику из интеллигентной семьи» – уже с приводами в милицию, с трудной судьбой, с «прошлым». Они в своём детско-подростковом возрасте уже успели испробовать, если не всё, то почти всё, а потому были у остальных мальчишек, не имевших столь солидного «опыта» в большом авторитете. И Лёня не был исключением. А над этим авторитетом был ещё один авторитет – Стёпа Гетман. Гетман – уважительно – за то, что для мальчишек не каким-то там «пионер-вожатым», а истинным предводителем, командиром был. И за то, что истинный патриот Украины. Лагерь, в сущности, весь был патриотическим – песни УПА знали назубок, портреты Бандеры и Шухевича висели на почётном месте. Но Гетман был Патриотом с большой буквы. Никто не умел так вдохновенно рассказывать об истории и героях Украины. И ещё тогда, десять лет назад, говорил Стёпа, что Украине ещё предстоит отстаивать свою свободу перед лицом хищных москалей и в кровавой купели обретать её, ибо только омытая кровью, она будет осознаваться величайшей ценностью, которая вновь сделает из украинцев великую нацию, какой она была когда-то, но перестала быть под гнётом всё тех же проклятых москалей.

Гетман доходчиво объяснял, что Украина была не просто частью Европы, но её основой, именно древним украинцам обязана Европа своей цивилизацией и свободой, и теперь, века спустя, украинцам вновь надлежит вернуть себе утраченное положение, вернуться в европейскую семью, вырвавшись из лап азиатских варваров – потомков Чингисхана. У них, у потомков, и вовсе никакой цивилизации не было, кроме той, что украли они у украинцев. А так, до 18-го века жили они под властью крымских татар, от которых их цари получали ярлыки. Между тем, как свободные украинские казаки уже тогда вместе с европейцами воевали с неверными и ходили в морские кругосветные путешествия.

Величаво смотрелась родная история в рассказах Стёпы, и мальчишки слушали его, разинув рты. Гетман же настолько увлекался, что подчас, рассказывая о самых драматичных страницах, срывался на плач. А ещё у него был прекрасный голос, и он пел украинские песни, играя, между прочим, на бандуре.

В общем, для мальчишек Гетман стал первым кумиром, которому они свято верили, и за которым готовы были идти в самое пекло. Именно тот факт, что Стёпа отправился воевать с сепаратистами, подтолкнул Лёню последовать его примеру, записавшись в батальон, которым командовал Гетман. Сообщить об этом и проститься и пришёл он теперь на майдан, где ещё недавно вместе со Стёпой и его сотней, в которой, конечно, состояли Лопата и Лось, свергали ненавистный режим.

Теперь майдан больше напоминал помесь беженского лагеря и ночлежки. Бывшие активисты пили так, что запах перегара разносился по округе, что выкупе с грязью и отдельными безобразными выходками «героев», вызывало законное недовольство граждан. Асоциального вида типы собирали деньги «в помощь АТО», которые немедленно пропивались. Не утратившие крестьянской закваски разбили возле палаток грядки. Само собой, не было недостатка и в бабах, и в палатках царил разврат. Власти города уже не раз предпринимали попытки спроводить куда-нибудь зажившихся в центре столицы вчерашних «героев», но те на все подобные предложения отвечали дружным посылом по известному адресу, который по утверждению языковедов, также был украден у украинцев проклятыми москалями.

– Ну, шо, Леон, никак на защиту отечества собрался? – весело приветствовал уже податый Лось Лёню. – Молодец! Только смотри, к Ляху не записывайся! Слышь? А то, говорят, что он с Мусей и Лялей всех новобранцев сперва дегустирует! Трубой!

– Какой ещё трубой?

– Железной, какой ещё? Своя-то, видать, перегорела от перенапряжения! – Лось и Лопатой загоготали, и Лёня, поморщившись, хохотнул тоже, успокоил друзей:

– Я к Гетману в батальон записался.

– Во! Гетман – мужик! Гетману – уважуха! – согласился Лось.

Щуплый, с обритым черепом и оселедцем, с кольцом в ухе и пирсингом в носу и губах – он производил карнавальное впечатление, но Лёня не делал ему замечаний. В феврале в стычке с «беркутовцами» Лосю выбили четыре зуба и вообще здорово отходили дубинками, так что его героизм подвергать сомнению было невозможно. То ли дело Лопата, прозвище которого явилось из похабного анекдота, который он норовил всем рассказать. Этот дюжий молодец, тучный и неповоротливый, валялся теперь на грязном матрасе и самозабвенно курил «траву», которую так легко теперь стало добыть.

– А вы-то, пацаны, ещё долго портки здесь просиживать собираетесь? – поинтересовался Лёня. – Война ж идёт...

– Курнуть хочешь? – вяло спросил Лопата.

– Мы лучше выпьем, – ответил Лось, потягивая Лёне початую бутылку пива. – Задрал уже своей «травой»...

Пива Лёня глотнул и вопросительно посмотрел на Лосю.

– Ну, шо пялишься? Можно, подумать, мы здесь из трусости сидим. Ты пойми, фронта у нас сейчас два. Один – внешний, другой – внутренний. Сам-то вишь, какая ... выходит? Мы в феврале кровь свою проливали на ..., чтоб олигархов и жидов убрать, а что в итоге? Пришли те же п...сы, чтобы дальше нас дегустировать, как Лях новобранцев, в особо извращённой форме! И оказалось, что мы им на ... не нужны! Денег ваще не платят! Даже оружие хлопцам за свои кровные покупать приходится!

При упоминании о деньгах Лёня смутился. Ему и в феврале никто ни за что не платил... Что ж, выходит, сотне Гетмана платили? А с оружием и впрямь засада. Порох, сука, обещал солдатам занебесное жалование перед выборами, а теперь и не хрюкает. Бронежилеты и то самим покупать приходится. А не купишь сам – так и поедешь под пули сепаратистов безо всякой защиты.

– И дальше шо?

– А то! Что надо нам теперь и этих предателей урыть, как Янока, иначе опять житья нам не будет! Они будут жировать, а мы лапу сосать или ещё что! А вот ... им!

– Да ты, Лосюра, никак новый майдан собрался устраивать?

– А шо делать-то? Не сейчас, понятно. Сейчас перво-наперво москалей и сепаратюг урыть надо. Прав был Гетман – настала пора крови их испить! Мало им, что они наше украинское море, нашими предками вырытое, своим объявили, так ещё ж и на наши земли лезут! Ну уж ... им! Мы ещё до Москвы дойдём! И Кремль разграбим! И х...о ихнее за ноги повесим!

– Ты же пока здесь остаёшься?

– Придётся... – вздохнул Лось. – Должен же кто-то и эту линию фронта защищать! А то снимемся мы все в патриотическом порыве, очистим майдан – им же только того и надо! Тогда уж за ними, предателями, вовсе никакого контроля не будет! Майдан – наша крепость! И её мы будем защищать с оружием в руках! А если нас здесь стоять не будет, то тутошние предатели вас там продадут! Вот, вы москалюг кровью умоете, а потом с оружием вернётесь, тогда-то и наведём порядок! И всех этих, – Лось принялся загибать пальцы, – Коломойских, Порошенок, Тимошенок, Яценюков – всех люстрируем по самое не могу! И будут ихние дворцы нашими, как дворец Янока был в феврале, жаль, недолго... Они думают, шо мы дебилы, и с нас хватит

того, шо одна жирная ж...а заменила другую на золотом унитазе! Но мы не дебилы! И наши погибшие братья не за то погибли, а шоб власть была наша, народная! – он уже был сильно пьян, а от собственных речей ещё сильнее распаялся. И, вот, возопил, закатив налившиеся кровью глаза, хрипло: – Слава Украине!

И подскочил задремавший Лопата, как солдат при команде «подъём!»:

– Героям слава!

– Слава нации!

– Героям слава! – ответил эхом уже весь майдан.

– Путин – х...о!

– Ла-ла-ла-ла-ла-ла!

– Во! Чуть не забыл, – Лось полез под матрац и выволок оттуда щиток на ремешках с последним из только что прозвучавших «паролей», по которым патриоты узнавали друг друга.

– Это шо? – не понял Лёня.

– Бери-бери! Это подарок от нас с Лопатой! Будешь на бой с москалями одевать, как эту... как её...

– Кирасу, – подсказал Лёня.

– Во-во! Сейчас многие хлопцы такие себе сделали! Давай, Леон, накатим ещё – за хлопцев!

За хлопцев накатить – дело святое. Хлебнув ещё, Лёня, не очень-то привычный к «возлияниям», поделился с друзьями тяжкой думой:

– А у меня ведь брательник кровный там. На Донбассе...

– Сепаратюга? – нахмурился Лось.

– Скорее всего... Мы с ним ещё зимой разругались...

– И шо?

– А то. Шо ж, мы теперь с ним друг в друга стрелять будем? Нехорошо это...

– Ты это брось, – мотнул головой с сальным оселедцем Лось. – Сепаратюги нам не братья. Даже если кровные. Сепаратюги – це враги, а врагов надо убивать.

– Сепаратюги, москали... Лось, а у меня ведь отец – русский. И бабка. Выходит, что и я москаль?

– Какой ты на ... москаль? Ты украинец! Все, кто любят свободную от москалей Украину и сражаются за неё – все украинцы. И даже те москали, что в России нас поддерживают, они не враги нам. Гетман говорил, что миссия украинского народа – не только самому вернуться на искони принадлежащее ему в Европе место, но показать пример тем москалям, которые на самом деле не москали, а нормальные... Которые не колорады. Которые тоже сознают себя европейцами, а не азиатами с их выдуманым русским миром. Мы ещё и их должны освободить! И, вот, тогда заживём! Представляешь? Европа... Европейские харчи, тряпки... Мы по Парижам с Лондонами ездим...

– А на что мы по ним ездим? – прервал мечты друга Лёня. – Мы ж институтов не кончали... Кем же мы там работать будем?

– Дурак! На ... работать в Европе? Там всякие азиаты есть, шоб работать. А нам пособия будут платить. А у них там пособия такие, каких мы здесь зарплат не видали. То-то жизнь настанет! И давно бы настала уже, если бы не эта ватная сволочь... Ты уж, Леон, постарайся. Надо эту колорадскую мразь выжечь, как в Одессе, чтоб и следа не осталось! И поскорее! Осень уже скоро, а там и зима. А вторую зиму ж...у здесь морозить да ещё без снабжения – околеть недолго!

– Ладно, постараюсь... – пообещал Лёня.

– Слава героям! – вновь истошно завопил Лось.

– Слава нации! – заревели нетрезвые голоса.

– Смерть москалям!

Кричал и Лёня, с каждым выкриком чувствуя, как отлетают от сердца туманившие его сомнения, как легка и пуста становится не отягощённая тяжёлыми думами голова, и как взамен этого всё существо наполняется твёрдой решимостью сражаться с врагами родной страны до победного конца.

– Ла-ла-ла-ла-ла-ла! – ударили в здоровенный там-там где-то совсем рядом, и ещё бодрее стало на душе.

«За одного нашего убьём десять ваших!» – так сказал священник на похоронах одного из погибших на войне хлопцев. Да-да! Именно так! Десять! Двадцать! И нечего жалеть и оглядываться! Потому что – никогда мы не будем братьями!

Глава 6.

Снова пиликнул, действуя на нервы, фейсбук. Кого там ещё несёт нелёгкая? А! Очередной скачущий придурок! В бан без разговоров – наговорились уже за эти месяцы с каждым по очереди и со всеми сразу. Каждый раз от таких «дискуссий» ощущение, точно в кунсткамере побывал или в дурдоме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.